

«ПРОЧИТАЙ ОБЯЗАТЕЛЬНО!»

ТОЛСТОЙ ПИСАЛ «БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ»

Разбираю сундук с бумагами и документами, сложенными в него когда-то моей матерью... Большой почтовый конверт с дореволюционным и, кажется, нероссийским почтовым знаком — скрещенными рожками — дремал среди бумаг, и я поначалу не обратил на него внимания. Приглядевшись, разобрал на лицевой стороне полустертую временем надпись, сделанную рукой матери: «Прочитай обязательно!». Надпись сделана молодым почерком; несомненно, это обращение к отцу; значит, я могу принять его по наследству и прочитать обязательно!

В конверте — экземпляры старых газет, все с траурными рамками, окаймляющими целую полосу, приложены и специальные выпуски, односторонние, как афиши. Даты — 7 и 8 ноября 1910 года. «Умер Лев Толстой». Да, эти страницы надо обязательно прочитать.

В газетах «Речь», «Русские ведомости» и «Утро России» опубликованы телеграммы корреспондентов со станции Астапово — о последних мгновениях жизни великого писателя, о первых минутах, когда Россия осталась без Толстого.

Телеграммы очень эмоционально составлены. «Сколько раз за последние дни изображение рисовало мне эту комнату, за двойное окно которой ждало и в мучительном страхе заглядывало внимание всего мира! Теперь я в ней и стою у кровати, где на двух подушках покоится голова Толстого, голова, что столько передумала возвышенного и прекрасного для мира, для человека!»

Корреспондент рассказывает, как сквозь слезы видит: у постели почившего мечутся святые отцы — старец Варсонофий и Парфений Калужский. Они пытаются примирить усопшего писателя с церковью, но тщетно. С корреспондентом «Русского слова» старец Варсонофий разговаривает грубо и резко. На вопрос, будет ли допущена панихида по покойному, старец ответил: «Знаю об этом столько же, сколько о жителях луны».

Описывается, как крестьяне соседних деревень идут в Астапово «гурьбами» — значит, тогда, в 1910 году, слово «гурьба» имело множественное число.

Некоторые подробности в телеграммах потрясают и сейчас:

«...Маковецкий рассказывал некоторым, что в последние дни в забытом Толстой часто делал быстрые движения пальцами по одеялу, точно писал. Астапово, 7 ноября, 9 ч. 52 м. веч. Срочная».

Сообщается, что «завтра вагон корреспондентов отправляется с телеграфными чиновниками, чтобы в пути принимать и готовить для сдачи телеграммы».

«Русские ведомости» дважды на одной странице опубликовали с некоторыми различиями следующую важную депешу:

«Последние связанные слова, сказанные около 6 часов вечера дочерям, были: «Людей на земле много, а вы все хлопотаете об одном». Тот же момент иначе изложен в других газетах. В «Утре России»: «Последний проблеск сознания, проявившийся у больного, наблюдался около 12 часов ночи. Тогда же Толстой произнес свои великие последние слова: «Много на свете миллионов страдающих, а вы заботитесь только об одном Льве Толстом». Приложение к газете «Речь» цитирует по-своему: «Прошу твердо помнить, что много на свете людей, а вы все об одном Льве».

Явно проскочило мимо внимания царской цензуры и появилось в углу страницы «Русских ведомостей» сообщение из Киева: «Театрам под угрозой закрытия приказано не отменять сегодня спектаклей в знак траура по Л. Н. Толстому. От типографий, где печатаются газеты, отобрана подписка не печатать без разрешения духовной цензуры публикаций о панихидах по Толстому. Весь день по городу разъезжают казаки патрули».

Есть и сообщения о неопубликованных при жизни, а также об оставшихся в записках произведениях великого писателя. «Русское слово» излагает содержание повестей «Отец Сергей» и «Хаджи Мурат» — «совершенно законченных, но не видавших света, по причинам, лежащим не столько в самом Л. Н., сколько в настроениях окружающих его лиц...» О каких лицах, о ком это речь?

Сюжет повести «Отец Сергей» изложен в детективном духе, но существенно упоминает о том, что Толстой прообразом Сергея взял известного в России проповедника Иоанна Кронштадтского. А тот узнал себя, стал протестовать, вынудил Толстого изменить сюжет.

Вот что говорится о «Хаджи Мурате»: «Слышавшие эту повесть говорят, что от нее веет всей свежестью толстовского таланта, что знание Кавказа и тогдашней жизни его отражено здесь не менее совершенно, чем в «Казаках».

8 ноября «Русское слово» поместило зарубежные отклики.

«Христиания, 7 ноября. Фритиоф Нансен сказал: «Норвегия скорбит по поводу кончины великого сына русского народа. Велико здесь его влияние, как писателя и апостола любви и мира, и глубоко захватывающее».

«Вена, 7 ноября. Шницлер изрек: «Умер гений мировой загадки».

«Париж, 7 ноября. Академик Жюль Кларетти: «Толстой как авиатор мысли не виден внизу пограничных столбов». «Большой Анатолий Франс принял вашего корреспондента. «Мы, писатели нынешней эпохи, — сказал Франс, — можем быть сравнены с ним, как микроскоп с телескопом».

«Берлин, 7 ноября. Гергардт Гауптман: «Толстые не рождаются каждое столетие. Я негодую по поводу кощунственных сплетен о рекламности ухода. Нужно низко пасть, чтобы гиганту духа приписать подобное».

Как современные сегодня эти слова великих людей разных стран! Как смелы и призывны к XX столетию их сравнения: «авиатор мысли», «телескоп», как ненавистны им наговоры и пересуды!

Удивителен помещенный выше всех прочих отклик И. И. Мечникова, находившегося тогда, как видно из телеграммы, в Париже. Я не специалист по Толстому, но много читал о нем и никогда не встречал этих чрезвычайно важных сведений о замыслах Толстого (видимо, они — достояние узкого круга литературоведов). Великий Мечников сообщает:

«Теперь я могу сказать об одном секрете, который мне открыл Л. Н., когда я был у него в Ясной Поляне. В беседе за столом я сказал, что высоко ценю деятельность Л. Н. как художника, но не разделяю всех его философских концепций. Л. Н. под величайшим секретом сообщил мне, что пишет беллетристическое произведение из эпохи революции...»

Мечников добавляет еще несколько фраз. Их изложение свидетельствует, что встреча ученого с писателем происходила в последние годы, уже незадолго до кончины Толстого. Ученый дает такое определение: «Л. Н. влекло желание дать нечто вроде второй части гетевского «Фауста».

Фауст имел отношение более к сюжету, к фабуле. Важнее то, что, можно представить себе, речь шла не о каких-либо событиях XVIII или XIX веков, а о первой русской революции, о недавнем тогда 1905 годе. Удивительно прекрасно! Что же писал Толстой о революции? Ведь Мечникову-то он сказал, что уже пишет!

В передовой статье приложения к «Русским ведомостям», посвященного Толстому, несколько выспренняя, а все же знаменательная концовка: «...чтобы свет грядущего разогнал мрак насилий, челове-

конеавистничества, гнета над мыслью, гнета над словом, над свободным исследованием истины, свободным стремлением к лучшему».

Материалов о Толстом не хватило на целый номер газеты «Речь», но, когда держишь в руках этот экземпляр издания 1910 года, любая строка оказывается характерной, становится штрихом времени.

Хроникер отдела «За неделю» пишет: «От Льва Толстого к Третьей Гос. Думе тяжело переходить, но приходится исполнить обязанности обозревателя. Кто знает, быть может, и к этому гробу они подойдут, «толкаясь и споря», работая локтями, голосовыми связками и попутрями... «Патриоты» Третьей Думы умеют ценить национальное достоинство, народное богатство... Пока они проявляют свой «патриотизм» по отношению к «инородцам»... Вот как язвительно и изящно переключился репортер от кончины Толстого к заседаниям думы.

А жизнь продолжается...

В рекламе цирка Чинизелли сообщает, что сегодня — новость!!! Три-аэроплан-три, феноменальный летательный акт, а также Тонитов и Литль-Вальтер — любимцы петербургской публики (первый раз в Петербурге). Вот как, первый раз! Когда ж они успели стать любимцами?

«Завтра, 9 ноября, в аудитории Соляного городка Евгений Елачич прочтет лекцию «О глупости и борьбе с нею». Начало в 8 часов, билеты у швейцара».

На невшком Скетинг ринге «во время кинематографа — хор балабачников».

Жизнь продолжается...

На четвертой полосе — разные телеграммы.

Севастополь: подводная лодка «Карась» столкнулась с дамбой и получила повреждение.

Новгород: игумен Перекомского монастыря Виссаргон, пьянствуя на днях в притонах Новгорода, пропил свою иноческую одежду. Над ним назначено духовное следствие.

Вашингтон: вследствие раньше времени произведенного выстрела из 5-дюймового орудия на учебном плацу морского ведомства в Индиан-Хэд убиты офицер и три матроса.

Объявление типа рекламы крема «Нелли»: «Лучшее средство для смягчения кожи лица, рук и бюста».

Но и на укомплектованную хроникой и манящими объявлениями четвертую страницу проникла серьезная полемика с журналистами. Меньшиковым и Сыроматниковым, по-видимому, из газеты «Земщина». Они еще вчера призывали взять Толстого под опеку правительства как «неправоспособного». Орудие, которым пользуются в «Земщине», корреспондент «Речи» называет «красным пером», и есть для такой характеристики все основания.

...Бережно складываю в конверт газеты от 7 ноября 1910 года и с горечью думаю о том, что Лев Николаевич Толстой всего семи лет не дождал до Великой Октябрьской социалистической... Оказывается, он писал «беллетристическое произведение из эпохи революции». А эпоха революции — это ведь наше время!

На конверте написано: «Прочитай обязательно!»

Я прочитал.

К кому теперь обращены эти слова?

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ.